ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

Читайте все книги НИКОЛАЯ СВЕЧИНА об АЛЕКСЕЕ ЛЫКОВЕ:

1. Завещание Аввакума
2. Охота на царя
3. Роковые числа
4. Хроники сыска
5. Выстрел на Большой Морской
6. Пуля с Кавказа
7. Дело Варнавинского маньяка
8. Варшавские тайны
9. Мертвый остров
10. Убийство церемониймейстера
11. Московский апокалипсис
12. Туркестан
13. Удар в сердце
14. Темные всадники
15. Дознание в Риге
16. Касьянов год
17. Лучи смерти
18. Тифлис 1904
19. Банда Кольки-куна
20. По остывшим следам
21. Фартовый город
22. Узел
23. Случай в Семипалатинске
24. Одесский листок сообщает
25. Столица беглых
26. Восьмое делопроизводство
27. Кубанский огонь
28. Взаперти
29. Паутина
30. На краю
31. В отсутствие начальства
32. Как Лыков не стал генералом
33. Уральское эхо
34. Дела минувшие
35. Ледяной ветер Суоми
36. *Месть – блюдо горячее*

И в серии «Выстрел в прошлое. Исторические детективы Свечина о путешествии во времени»:

1. Пуля времени
2. Подельник века

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

АДСКИЙ ПРИИСК

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.
С24 Адский прииск / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-210734-4 (Оф. 1)
ISBN 978-5-04-210735-1 (Оф. 2)

В этих жутких местах живут лишь ссыльные. Ну как живут. Выживают. Свирепый климат, тайга, полная голодных хищников. Жестокие законы, основанные на праве сильного. И в этот земной ад отправляется выдающийся петербуржский сыщик Алексей Николаевич Лыков. Ему поручено найти затерявшийся в горах поселок, который не значится ни на одной карте. Но за которым тянется шлейф дурных, очень нехороших слухов.

Говорят, в поселке бесследно исчезают люди — по полсотни за год. Уходят туда — и с концами. Ни слуху ни духу. Но что совершенно не укладывается в голове: внезапно союзником Лыкова становится крестный отец петербуржской преступности, «русский профессор Мориарти» Илларион Рудайтис по прозвищу Сорокоум. Этот дьявол во плоти пообещал сыщику любую помощь и деньги, лишь бы тот добрался до таинственного места и разыскал там родного брата Сорокоума Михаила…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210734-4 (Оф. 1)
ISBN 978-5-04-210735-1 (Оф. 2)

© Свечин Н., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Автор благодарит историка Андрея Климова (г. Якутск) за ценные консультации.

Глава 1
Куда Макар телят не гонял

Директор Департамента полиции Брюн-де-Сент-Ипполит вел статского советника Лыкова на расправу к начальству. Тот в очередной раз провинился — при аресте налетчика Абрамова по кличке Мальчик жестоко избил его. Мальчик был саженного росту, весил девять пудов и сдаваться полиции без боя не пожелал. За последнюю неделю он ограбил четверых человек в пригородах, причем всем им (включая даже одну женщину) нанес сильные побои. Отобрал ценности, да еще и поглумился — оставил жертв в одном белье. Агенты ПСП◆ выследили негодяя в Автово, и их начальник Филиппов пригласил на задержание своего приятеля Лыкова.

◆ ПСП — Петербургская сыскная полиция.

Мол, парень там дюжий, как бы он моим ребятам бока не намял; подсоби… И Лыков подсобил. Он знал о гнусном поступке Мальчика в отношении женщины: Абрамов разбил ей лицо в кровь и ножом расцарапал грудь. Такое статский советник терпеть не стал и отлупил бандита как сидорову козу. Приговаривая при этом: «Не грабь! Не обижай слабый пол!»

В следственной тюрьме врач констатировал у доставленного сломанные ребра, выбитую челюсть и гематомы по всему телу. Он, разумеется, отразил это в рапорте, и у сыщика начались неприятности. Люди Филиппова как один подтвердили, что Абрамов попер на Алексея Николаевича с ножом и норовил зарезать, вместо того чтобы сдаться по-хорошему. И тому ничего не оставалось, как защищаться. Причем голыми руками. И было не до рассуждений о чрезмерном или разумном применении силы.

Руководители Лыкова сами никогда не ходили на ножи и револьверы. И сочли слова сыскных корпоративной ложью. «В который раз!» — верещали они, сидя в своих уютных креслах. Особенно ярился непосредственный начальник. Брюн решил примерно наказать подчиненного, чтобы «отбить охоту калечить людей». Он заручился поддержкой в сферах и теперь вел неслуха на Голгофу. Алексей Николаевич, повидавший на своем веку уже много

директоров и министров, шел с равнодушным видом. Выволочек он не боялся, все нынешнее руководство МВД в грош не ставил, понимая, что эти временщики уйдут, а он, скорее всего, продолжит служить.

Лыков с Брюном зашли в кабинет министра и обнаружили там, кроме Маклакова, еще и генерал-майора свиты Его Императорского Величества Джунковского. На правах товарища министра◆ он заведовал полицией и являлся ближайшим начальником директора департамента, а также его приятелем. Ишь, слетелись стервятники…

◆ Товарищ министра — заместитель.

Маклаков, как всегда с пустыми глазами, молча кивнул вошедшим. Брюн-де-Сент-Ипполит сел, а Лыков остался стоять, словно провинившийся гимназист перед педелем◆◆.

◆◆ Педель — надзиратель, следивший за поведением гимназистов.

— Ну, начнем? — грозно начал Джунковский. — У нас опять членовредительство, и опять по вине статского советника Лыкова. Превышение власти и особая жесткость. То-то газетчики обрадуются.

«Дались им эти газетчики, — подумал Алексей Николаевич. — Делать репортерам больше нечего, как жалеть разбойника и негодяя». Однако министр полагал иначе. Он так же грозно свел тонкие брови и приказал:

— Доложите подробности.

Брюн вскочил и начал доклад:

— Николай Алексеевич, сколько можно это терпеть? В грош не ставит закон. Привык все решать кулаками. Из-за таких нас, полицию, и не любят, да.

— Валентин Анатольевич, ближе к делу, — одернул директора товарищ министра.

— Слушаюсь. Значит, так. Присутствующий здесь статский советник Лыков третьего дня участвовал в арестовании налетчика Абрамова. По просьбе начальника столичной сыскной полиции Филиппова…

— А почему тот обратился за помощью? — проявил вдруг интерес министр.

— Э-э…

Лыков пояснил:

— Так бывает нередко. У меня большой опыт задержаний всякого отребья. Особо опасного, которому или нечего терять, или они просто буйные и при аресте могут причинить вред чинам полиции.

— А вам что, не могут?

— И мне могут, Николай Алексеевич. И бывает, что причиняют. Но меня, как правило, выручает тот самый опыт. Видите, еще жив до сих пор… при четырнадцати ранениях. Виноват, пятнадцати.

В кабинете повисла пауза. Но Брюн вновь напористо заговорил:

— Не надо про ранения, давайте лучше про соблюдение закона. Почему вы при задержании так жестоко изувечили подозреваемого?

— Валентин Анатольевич, вы же юрист, — укорил начальника подчиненный. — Юристы должны быть точны в терминах. Я его слегка поучил. Руки-ноги целы. Ребра заживут. Слово «изувечил» тут неприменимо, вы намеренно сгущаете краски. Хочется спросить: с какой целью?

Алексей Николаевич уже решил, что виниться не станет и порочить себя не даст. Брюн — честный человек, строгий законник, и его достоинств сыщик не отрицал. Однако, как кабинетный деятель, директор иногда перегибал со своей законностью. В России живем! Тут голову оторвут, пока листаешь Уложение◆.

Директор запнулся, а сыщик продолжил:

— Абрамов с ножом напал на представителя власти и честно попытался его, то есть меня, зарезать. Вы хоть представляете, господа, что такое нож в руках отчаянного человека? Поверьте — опаснее, чем револьвер. Если бы я стал рассуждать над степенью необходимой самообороны, вы бы сейчас несли венки за моим гробом…

Джунковский крякнул — ответ статского советника ему понравился. Однако министр (он почему-то сидел в придворном мундире гофмейстера — возможно, вернулся с высочайшего доклада) продолжал хмуриться.

— Нож или пистолет — ничто не дает вам права нарушать закон, — буркнул он в тощие усы. —

◆ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных — свод законов Российской империи.

Можно было оглушить, повалить… ну не знаю… схватить за руки…

Алексей Николаевич иронично покосился на гофмейстера — вот специалист по арестам! Его бы туда, на захват. Пусть покажет класс.

Воодушевленный Брюн подхватил:

— Лыков славится в дурном смысле подобными фокусами, которые безнаказанно проделывает много лет. Однажды его все же привлекли и осудили — за убийство уголовного при допросе. Каким-то образом он выкрутился и продолжил прежнее. Пора прекратить, наконец!

Последнюю фразу директор произнес фальцетом. Алексей Николаевич дал ему закончить и нанес ответный удар:

— Вы сегодня не в ладах с фактами. Побои переименовали в увечья, а теперь искажаете судебное дело. Как известно, суд доказал мою невиновность. Восстановил в чинах и вернул на службу. Это раз.

— А-а…

— Попутно, отбывая незаслуженное наказание в Литовском замке, я вскрыл преступный сговор, по которому в столичной тюрьме спрятались под чужими именами полсотни особо опасных преступников◆. За что получил Высочайшую благодарность, двенадцатую по счету. Виноват, тринадцатую. Или четырнадцатую? Одним словом, больше, чем у вас всех вместе взятых… Повторю

◆ См. книгу «Взаперти».

свой вопрос, Валентин Анатольевич: с какой целью вы это делаете? Зачем передергиваете карты и очерняете меня в глазах министра и его товарища?

Брюн-де-Сент-Ипполит начал розоветь и пучить глаза. Не обращая на это внимания, Лыков повернулся к министру:

— Налетчик Абрамов избил четверых, ограбил, угрожал ножом, раздел и пустил по миру в одном исподнем. Женщине тридцати лет, мещанке Синицыной, исцарапал ножом грудь, вынес три зуба. Вот такое сколько можно было терпеть? Негодяй получил по заслугам. В следующий раз, когда ему захочется поиздеваться над женщинами, он вспомнит урок. Вдруг снова явится Лыков и накажет? Глядишь, передумает…

Джунковский опять издал одобрительные звуки. Он всегда лавировал, гоняясь за благосклонностью общества. Сейчас генерал решил, что сыщика надо проучить, но не сильно. И предложил министру:

— Николай Алексеевич! Формально Лыков неправ. Избил арестанта, хотя мог только разоружить. Повалить и все такое… С его-то опытом. Ну, дал в морду, но ребра ломать, конечно, излишняя жестокость. Однако его можно понять. Лезет громила с ножом, бешеный. Недавно глумился над женщиной, что уж совсем гнусно с его стороны. И статский советник не сдержался.

— Что вы предлагаете, Владимир Федорович? — с досадой уточнил Маклаков. Разговор его явно тяготил.

— Наказать. Но разумно, с пользой для дела.

— Это как?

Джунковский вынул из папки заранее принесенную бумагу:

— Вот отношение действительного статского советника Нарышкина, исправляющего должность губернатора Якутской области. Вы отписали мне его давеча для предложений.

— Якутской? — министр с трудом вспомнил. — Это там был пулемет?

— Точно так. Я воспроизведу содержание. Нарышкин доносит, что на востоке области, в притоках реки Колымы, завелась крупная шайка беглых каторжников. Ведут они себя непонятно: не уходят, зимуют второй год, хотя в тех краях зимовка — дело трудное. Как будто медом там намазано! Бандитов считают дюжинами. Целый поселок выстроили, шельмы. И в города будто бы не суются, а торчат в горах. Когда Нарышкин прослышал о банде и послал на ее ликвидацию казаков, уголовные встретили их пулеметным огнем! Три человека были ранены, один из них потом умер. Казаки, понятное дело, не ожидали такого отпора и отступили. Банда и сейчас там, в ус не

дует. Врид◆ губернатора просит помощи. Войск в Якутии кот наплакал, одна только местная команда, и та больше на бумаге. Вместо полиции — слабые казачьи полусотни, разбросанные по огромному краю. Как им помочь?

◆ Врид — временно исправляющий должность.

— Вот и пошлите туда Лыкова! — с ходу решил министр. — Ему что ножи, что пулемет — все едино. Пусть едет и разберется. Беглые каторжники Алексею Николаевичу чуть ли не по именам знакомы.

— Слушаюсь! — не без сарказма подхватил статский советник. — Вот я им задам! Пулемет отберу и выпорю. Будут помнить до новых веников!

Не обращая внимания на руководство, он подошел к карте империи, висевшей за спиной Маклакова и занимавшей всю стену. Отыскал на ней Колыму и прикинул:

— Примерно десять тысяч верст в один конец. Добираться придется два месяца, и обратно столько же. Ну и там одним днем ничего не решишь. Сегодня у нас десятое июня тысяча девятьсот четырнадцатого года. Если я завтра уеду, вернусь уже к зиме. Продержитесь тут без меня, ваши превосходительства?

Генерал-майор захохотал в полный голос, даже гофмейстер улыбнулся, и только действительный статский советник желчно заявил: